

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ БҰЛМАРЫ

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX ВЕКОВ**

**IX
ТОМ**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”
РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпейсов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусайнов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ**

XVI–XX веков

**IX
ТОМ**

**НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ ОБ
ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ
И ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЯХ
КАЗАХСКОЙ СТЕПИ
(XIX–XX вв.)**

Алматы
"Дайк-Пресс" 2007

**ББК 63.3 (5Каз)
Н 30**

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

**К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков**

Составитель, подбор иллюстраций С. Ф. Мажитов

**Научный редактор
И. В. Ерофеева**

**Н 050302905
00(05)-07**

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-41-9

© Мажитов С. Ф., сост., подбор
иллюстраций, 2007
© Издательство «Дайк-Пресс»,
оформление, 2007

ПАМЯТНИКИ УСТНОЙ ИСТОРИОЛОГИИ КАЗАХОВ

Историографическая традиция казахской степи породила особый вид исторической информации, который ныне воспринимается не иначе как устная народная историология казахов. Пожалуй, именно поэтому появилось утверждение, что в истории казахского народа нет ни одного крупного события и ни одного видного деятеля, о котором не были бы сложены предания и легенды как формы отражения и межпоколенной передачи исторических фактов.

Обращение казахстанских историков-источниковедов и историографов к жанру устной народной историологии отмечалось еще в советский период. В этом отношении весьма ценными являются труды А. Х. Маргулана, Е. Б. Бекмаханова и других. Однако в силу советской политической конъюнктуры и вследствие состоявшихся идеологических кампаний над разработчиками жанра устной историологии, на эту проблематику на долгие годы было наложено табу.

Атмосфера возрождения исторической науки в период обретения Казахстаном независимости сделала возможным обращение казахстанских исследователей к изучению ранее запретных тем. В 2000–2002 гг. в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК было осуществлено фундаментальное исследование по теме «Проблемы социально-политической истории Казахстана периода XVIII – середины XIX вв. в освещении письменных источников и памятников устной историологии казахов». В исполнении данной темы участвовали к. и. н. И. В. Ерофеева и автор этих строк. В результате проведенных нами исследований были выявлены, изучены в источниковедческом отношении и введены в научный оборот новые источники, характеризующие особенности развития исторических знаний и представлений у казахов о своем

прошлом в досоветский период. При работе с памятниками устной историологии казахского народа впервые использовался метод системно-структурного источниковедческого анализа, который получил отражение и при подготовке настоящего издания.

Большой вклад в изучение устной народной историологии казахов внесли академики М. О. Ауэзов, С. А. Каскабасов и другие ученые академического Института литературы и искусства¹. Результаты их исследований в области специфики устного народного творчества в наиболее общем виде сводятся к нижесказанному.

Все крупные события со времени формирования собственно казахского народа и до вхождения Казахстана в состав Российской империи стали содержанием многих устных легенд, рассказов, сказок и преданий. Причем в них события излагаются нередко в связи с именем какого-либо исторического деятеля или названием какой-нибудь местности. Таковы, например, предания, связанные с именами Аз Жанибека и Жиренше, Аблая и Казыбека, Исатая и Сырыма. К их числу относятся также рассказы о событиях времен «великого бедствия» XVIII века, о восстаниях в различных местах Казахстана и боях казахских ополченцев с джунгарскими захватчиками. Имеются также рассказы, повествующие об отдельных местностях, урочищах и населенных пунктах. В традиционной фольклористике такие рассказы принято относить к разряду преданий.

Предание — своеобразная устная история народа, сохраняемая и передаваемая им из поколения в поколение. Но это не означает того, что исторические события, легшие в основу предания, передаются в нем адекватно, без изменений. Как и весь фольклор, предание тоже не лишено анахронизма и вымысла. Поскольку предание возникает спустя несколько лет после излагаемых событий; поскольку оно распространяется устно и, передаваясь из уст в уста, обрастает дополнительными деталями; и поскольку в процессе дальнейшего бытования оно все более вбирает, хотя и не сознательно, элементы художественности, реальная основа предания начинает тускнеть, события и люди перемещаются во времени,

¹ Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961; История казахской литературы. Алма-Ата. 1968. Т. 1. Кн. 1; Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата. 1972; Каскабасов С. Колыбель искусства. Алма-Ата. 1992. С. 331–358.

т. е. происходит так называемая «фольклорная историческая циклизация», и в результате всего этого изменяется первоначальное содержание рассказа, появляются его варианты. К этому следует добавить миропонимание и социальную принадлежность рассказчиков и слушателей, которые по-своему, с позиций своей эпохи и своего социального или служебного положения, могут передать предание и оценить его содержание. Этим можно объяснить наличие таких преданий, которые выражают спорные идеи.

Подавляющее большинство казахских преданий носят народный характер и отражают точку зрения больших групп людей на то или иное событие. Особенно показательны в этом отношении предания о тех личностях, которые являлись организаторами и руководителями борьбы казахского народа против чужеземных захватчиков и местных угнетателей.

Главной особенностью предания, отличающей его от других жанров фольклорной прозы, является ярко выраженная установка на историческую действительность. В то же время предание всегда исторично, будь оно историческим или топонимическим. Это деление чисто условное, так как топонимическое предание составляет реальную основу, а в историческом предании нередко присутствует также топонимический мотив. Таким образом, название *топонимическое предание* должно быть признано условным, и к нему следует относить рассказы, повествующие о событиях, связанных с какой-либо местностью, ее возникновением и название которой объясняется не в связи с древними мифическими понятиями и не как результат чуда, а в связи с конкретным событием или же именем известного исторического деятеля.

Среди народных преданий встречаются так называемые песни-легенды. Они выделяются некоторыми исследователями в самостоятельный жанр. С точки зрения жанровости они весьма синкретичны: в них можно обнаружить признаки и мифа, и предания, и легенды, и даже сказки и эпоса. Еще в 1939 г. М. Ауэзов и Л. Соболев отмечали: «В кюй-легендах смешались характерные формы казахского фольклора. Здесь в форме новеллы мы находим и сказки о животных, и историческую песню, и песни-плачи *жоктау* и *естирту*, и т. д.»

К историческим преданиям относятся и *шешендік сөздер* (изречения ораторов), выделяемые в казахской фольклористике и изучаемые в качестве самостоятельного фольклорного жанра. «*Шешендік сөздер*» — это рассказы о каких-либо событиях или фактах жизни, послуживших причиной возникновения определенных афористических и мудрых изречений, приписываемых по традиции кому-либо из ораторов периода Казахского ханства. Но такие рассказы обычно преподносятся так, как будто в них главным является не событие, а высказанное мудрое изречение в ходе того события или по его поводу.

Поскольку подобные рассказы, как правило, связываются с именами исторических лиц, получивших в народе славу *шешена* (оратора, мудреца), некоторые из *шешендік сөздер* выглядят как эпизоды из жизни этих людей. Считается, что *шешендік сөздер* сообщают о реальном или вполне возможном факте и, по существу, являют собой образцы исторических преданий. Но в отличие от собственно исторических преданий они выполняют наряду с познавательной также общественно-политическую, правдивую, эстетическую и нравственную функции. Многие казахские бии, разбиравшие родовые тяжбы или частные споры, как правило, прибегали к помощи хорошо известным населению *шешендік сөздер*, где давались решения подобных дел.

Своеобразной частью исторических преданий можно считать казахские *шежіре* — генеалогические рассказы, повествующие о родах и племенах, связывая их происхождение с каким-либо историческим событием или личностью. Не случайно некоторые ученые рассматривают *шежіре* как один из важных исторических источников и используют его при изучении этногенеза того или иного народа. У казахов *шежіре* — генеалогия рода и племени, воспринимавшаяся как истинная история и родословный документ. Следует отметить, что не все *шежіре* имеют историческую основу. Часть их, которая повествует об истории возникновения рода в связи с конкретным историческим событием или же деятелем, является подлинным *шежіре* и относится к разряду исторических преданий. В них все подчинено идее сохранения последовательности поколений, стремлению к тому, чтобы как можно более точно передать историю рода. Вместе с тем есть и другие *шежіре*, в которых происхождение отдельных родов объясняется мифически: связью

человека с животным или неземным существом. Такие *шежіре* должны считаться родовыми мифами, где основное внимание сосредоточено на объяснении, почему той или иной род отличается храбростью или хитростью и т. п.²

Казахстанскими исследователями исторические предания по рассказываемым в них событиям и действующим лицам, по общей тематике и содержанию условно подразделяются на шесть групп.

1. Предания, в которых смутно сохранились события огузско-кипчакской эпохи казахской истории в VIII–XII веках. В них фигурируют *Коркут*, *Ахмет Яссави*, *Арслан* и другие деятели того времени, в том числе и религиозные.

2. Предания, рассказывающие о событиях времени монгольского нашествия и Золотой Орды в XIII–XV веках. Действующими лицами в них являются *Чингиз*, *Джучи*, *Тохтамыш*, *Едиге*, *Тимур*, *Сыпыра жырау* и другие.

3. Предания о событиях, происходивших в период образования и расцвета Казахского ханства в XV–XVIII веках. Главными героями выступают основатель ханства *Жанибек* и его потомки в лице казахских ханов и султанов.

4. Предания, повествующие о войнах казахов против джунгарских захватчиков в XVIII веке. Центральными фигурами в них являются народные батыры и выдающиеся бии-шешены *Толе*, *Казыбек*, *Айтеке* и другие деятели, сыгравшие большую роль в организации борьбы за независимость страны.

5. Предания о народных восстаниях XVIII–XIX вв. под предводительством *Сырыма Датова*, *Исатая Тайманова*, *Махамбета Утемисова*, *Кенесары Касымова*, *Джанходжи Нурмухамедова*, *Есета Котибарова* и других.

6. Предания, рассказывающие о национально-освободительном движении 1916 года в Казахстане; руководителях и организаторах восстаний на местах: *Амангельды*, *Бекболате*, *Жаменке*, *Узаке* и других.

Следует отметить, что указанные группы преданий различаются между собой не только по теме и времени, но и по степени историчности. Чем древнее событие, тем предание менее исторично и более тяготеет к легенде. В силу его большой удаленности

² Каскабасов С. Колыбель искусства. Алма-Ата, 1992. С. 331–358.

во времени реальная основа сказания тускнеет. Она смешивается с вымышленными в ходе долгого устного бытования ситуациями, в результате чего первоначальный сюжет обогащается новыми мотивами, и предание становится произведением, где герои идеализируются, а их действия гиперболизируются и порой приобретают фантастический характер. Иначе говоря, древнее предание превращается в легенду³. «Для киргиза (казаха. — С. М.) пение и слушание былин — источник эстетического наслаждения; не будучи, быть может, способным вполне разделять восторги киргиза в этом отношении, читатель-европеец за то извлечет большую пользу из знакомства с народной поэзией киргизов, так как в ней отразились почти все черты их быта, весь их душевный склад, их взгляды, надежды и идеалы» (О составе и общем характере киргизских былин // Тургайская газета. № 68). П. М.

К древним историческим преданиям относятся и те, которые связаны с именами Чингисхана, Джучи, Тимура и других. Эти предания донесли до нашего времени ядро событий, дыхание эпохи, имена людей, их поведение и поступки. Именно эта сторона преданий представляет собой историческую ценность. Однако разобратся в реальности событий трудно, потому что очень часто в них наблюдается анахронизм.

Ярким примером этого может быть популярнейшее в народе предание «Ақсақ құлан» («Хромой кулан»). Сын хана охотится на куланов. Увлеченный охотой, он не замечает, как отрывается от своих сородичей и оказывается в стаде куланов. Раненый вожак стада за таптывает его. О смерти ханского сына никто не решается сообщить отцу, ибо грозный хан извещает людей, что тому, кто сообщит ему недобрую весть, он зальет рот свинцом. Но находится смельчак, который игрой на домбре дает знать хану о смерти сына. Жестокый правитель наказывает домбру и истребляет куланов. Принято считать, что в этом предании в поэтично-музыкальной форме рассказывается о смерти Джучи, старшего сына Чингисхана. В некоторых вариантах этого предания отцом погибшего оказывается Алаша-хан, эпический прародитель казаков. В других вариантах на охоте умирает не Джучи, а его сын, иногда сын Жанибека или же Тимура. Как видно, в произведениях на один и тот же сюжет фи-

³ Каскабасов С. А. Казахская сказочная проза. Алматы, 1990. С. 160.

гурируют люди разных эпох. Это обычный анахронизм, присущий народной историологии в целом.

К древним преданиям можно отнести также и те, где рассказывается о событиях времен Золотой Орды, а также эпохи образования и расцвета Казахского ханства. В них главными действующими лицами являются такие исторические личности, как *Тохтамыш*, *Едиге*, *Тамерлан*, *Жанибек*, *Асан Кайгы* и другие. В большинстве этих преданий наблюдаются те же признаки, что были присущи огузско-кипчакской эпохе; изображение не одного конкретного факта, а суммы нескольких событий путем их циклизации вокруг одного или нескольких лиц. Например, из преданий о Тохтамыше можно узнать о его сложных взаимоотношениях с Едиге и Тамерланом, которые были то союзниками, то врагами.

По сравнению с этими преданиями, возникшими в древности и претерпевшими большие изменения, предания, повествующие о событиях XVIII—XIX вв., относительно лучше сохранили свою реальную основу. Особенно историчны в этом отношении предания о войнах казахов с джунгарскими захватчиками. Основное содержание их — нападение Галдана Церена и Цевана Рабдана на казахские земли и героическая борьба казахского народа против джунгаров. Большое количество преданий рассказывают не только о событиях «Великого бедствия», но и кровопролитных столкновениях между самими родоплеменными группами казахов. Большинство их связано с именами батыров, султанов, шешенов, родовых старейшин и других, кто проявлял храбрость в сражениях за родную землю и народ. К примеру, можно назвать предания о героических деяниях и мудрых решениях *Казыбек бия*, *Абылай хана*, батыров *Богенбая*, *Кабанбая*, *Байкозы*, *Жаппака* и других. В них отражены некоторые реалии социально-политического положения в казахской степи. Народ страдал от джунгаров и междоусобных войн «келте» (мелких) ханов, и от взаимных набегов родов и племен. Например, в преданиях о нападениях *Абылая*, *Нуралы*, *Есима* и других ханов на соседние племена рассказывается, как простой народ, измученный притеснениями и гнетом, выступает на защиту своих аулов. Весьма показательны в этом отношении предания, повествующие о событиях, происходящих во время народного восстания 1783—1797 гг. под предводительством Сырыма Датова. В одном из них рассказывается о том, как предводитель восста-

ния Сырым Датов убивает хана Есима. Однажды, когда Есим-хан по обыкновению выехал для сбора налогов и остановился вблизи города Томпака, Сырым Датов, узнав, в какой юрте спит Есим-хан, напал на стоянку и убил его. Это предание основано на реальном факте: отряд повстанцев в ночь с 26 на 27 марта 1797 года напал на ханский аул, убил хана Есима и затем разграбил его аул.

Итак, в преданиях о событиях XVIII в. более четко проступают реальные основы. Это характерно и для тех преданий, в которых излагаются события XIX и начала XX в., особенно восстания под руководством *Исатая Тайманова*, *Махамбета Утемисова*, *Кенесары Касымова* и других, а также борьба казахов Семиреченского края против Кокандского ханства, которую возглавляли *Суранши*, *Саурык* и другие батыры. Многие факты, излагаемые в них, нередко совпадают с историческими документами и сведениями, что является, как известно, главной особенностью жанра исторического предания. Конечно, и в этом случае присутствуют элементы художественности, особенно в описании деталей смерти руководителей восстания, как это выглядит во включенном в настоящее издание предании о Кенесары и его брате Наурызбае.

У казахов, как и у других народов, много рассказов о горах, ущельях, озерах, реках и населенных пунктах. Живя на природе, казахи хотели познать ее, понять ее явления и создавали различные мифы, легенды и предания об окружающем мире, об особых по форме скалах, горах и других объектах. Именно поэтому до нас дошло много рассказов о топонимике Казахстана, об особенностях той или иной местности. Топонимические предания более художественны по сравнению с другими видами преданий, в них обнаруживаются элементы словесного искусства. Здесь вымысел (художественный) несколько ослабляет информативность рассказа.

Казахские топонимические предания бывают двух типов. Предания первого типа имеют связь с конкретными историческими событиями. Одним из таких является предание «*Урочище Шомкалан*». В нем повествуется о борьбе храброго батыра Суранши Ахылбекова против кокандско-хивинских ханов, которые неоднократно нападали на казахские аулы в Семиречье и Южном Казахстане. Собрав небольшое войско, он обманным путем заставил обратиться кокандцев в бегство. Те, не успев даже надеть седла на верблюдов, оставили их в степи. С тех пор местность, где

произошла эта битва, стала называться Шом-калган, что означает — *остались верблюжьи стада*. В этом предании указаны конкретные места событий (Отар, река Копа) и излагается ход событий, которые действительно имели место в XIX веке.

Второй тип казахских топонимических преданий составляют такие произведения, в которых названия местности не связываются с историческим фактом. Происхождение топонима объясняется чаще всего как результат вымышленных событий.

Реалии современного развития историографии и источниковедения Казахстана, а также комплексный подход к изучению достижений и результатов отечественной литературоведческой мысли в области устного народного творчества способствуют поиску новых форм систематизации и типологизации базы данных устной историологии казахского народа.

В настоящем томе представлены четыре раздела, которые аккумулировали в себя значительный комплекс разнообразных источников, относимых к разряду народных преданий казахов. По времени своей фиксации они охватывают период с начала XIX — до первой четверти XX века. Впервые в науке народные предания казахского народа представлены в наиболее систематизированном и научно обработанном виде, что позволяет рассматривать их как самостоятельный пласт исторических источников. Уникальна информативная основа преданий, которые сгенерированы и дифференцированы по четырем жанрам: топонимические, этносоциальные, предания о видных личностях казахской степи, о важных исторических событиях. Предлагаемый материал позволит по-новому осветить ряд вопросов социально-экономической, политической, культурной жизни казахской степи в достаточно большом хронологическом периоде. В книге содержатся ранее не переиздававшиеся материалы из изданий, ставших раритетными и недоступными широкой аудитории читателей.

Проблема традиционной когнитивной культуры степных кочевников Центральной Азии и присущих им особенностей фиксирования и осмысления конкретных фактов исторической реальности издавна привлекает к себе внимание многих исследователей-востоковедов. Как правило, основным объектом их научных исследований в данной области выступают памятники устной повествовательной традиции — исторические и генеалогические предания, эпос, ле-

генды и другие аналогичные им виды информации, письменно зафиксированные разными собирателями устного народного творчества кочевников в течение нового и новейшего времени. Обращение ученых преимущественно к этой категории исторических источников объясняется далеко не только самим фактом абсолютного доминирования устного ретроспективного нарратива в многовековом когнитивном опыте казахов-кочевников, но и сохранением в современной западной, российской и казахстанской историографии некоторых устойчивых стереотипов мировоззренческого характера. К числу последних следует отнести широко распространенное в науке представление о почти полном отсутствии в номадных социумах исторического опыта письменной фиксации и передачи информации, а отсюда совершенное игнорирование учеными некоторых групп письменных памятников казахов дореволюционного периода как исторических источников⁴.

Материалы устной исторической традиции казахского народа представляют собой один из наиболее удревленных и распространенных видов исторических источников, исходящих непосредственно из среды самого автохтонного населения Казахстана. Содержащаяся в них информация о казахах и истории Казахстана неоднократно использовалась как в дореволюционной российской, так и в советской историографии региона, но особенно широко эти материалы стали привлекаться к историческим исследованиям отечественных ученых и публицистов в постсоветские годы. Между тем введение в научный оборот этого сложного многослойного и весьма специфичного жанра исторической информации до сих пор носит бессистемный и малопродуктивный характер. Большинство авторов исторических работ недостаточно владеют методикой исследования этих материалов, излагают приводимые в них факты и народные версии без какой-либо их источниковедческой оценки и определения степени достоверности имеющейся в них исторической информации, выяснения уровня соответствия послед-

⁴ Ерофеева И. В. Освещение институтов власти у номадов Центральной Азии в казахских эпистолярных источниках XVIII – середины XIX в. // Восприятие пространства и времени в культурах Центральной Азии. Тезисы некоторых выступлений на международной конференции, организованной УФЕАС в 2000 г. в Ташкенте. Ташкент, 2004. С. 35.

ней реальной исторической картине, известной нам по различным документальным источникам. В то же время в отечественной историографии фактически отсутствуют как научно оформленные археографические издания сколько-нибудь многочисленной группой этих памятников, так и специальные источниковедческо-историографические исследования, посвященные казахским народным преданиям. В результате этого их практическое использование в процессе воссоздания тех или иных звеньев отечественной истории осуществляется большей частью не на профессиональном, а на любительском уровне, что способствует нигилистическому отношению к указанным материалам со стороны многих казахстанских и зарубежных ученых-обществоведов⁵.

Собственно методика сбора и систематизации памятников устной народной историологии включает также следующие моменты:

1) целенаправленный поиск и сбор записей и опубликованных вариантов народных преданий казахов о крупных исторических событиях, местах их свершения и выдающихся деятелях Казахской степи XVIII – середине XIX в. в литературе и рукописных фондах архивохранилищ СНГ;

2) выявление по документальным нарративным и другим источникам фактических сведений о времени, месте и конкретных обстоятельствах их письменной фиксации, а также установление выходных (паспортных) данных или кланово-этнической идентичности народных информаторов и собирателей этих памятников;

3) систематизация выявленных материалов по их жанрово-видовой принадлежности, хронологии и тематике.

Теоретическая основа и принципы отбора и введения в научный оборот материалов, вошедших в настоящее издание, учитывают также положения исследований зарубежных авторов, занимающихся проблемами устной истории⁶. Наибольший интерес

⁵ Рукопись Отчета И. В. Ерофеевой и С. Ф. Мажитова по плановой теме «Проблемы социально-политической истории Казахстана периода XVIII – середины XIX вв. в освещении письменных источников и памятников устной историологии казахов». Алматы, 28.10.2002. С. 6, 16–17 // Текущий архив Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК.

⁶ Основные концептуальные положения западных историков и библиографию их трудов по проблеме устной историологии см.: *Ritchie D. A. Doing Oral History. A Practical Guide. Oxford University Press. New York. Secjnd Edition. 2003. 318 p.*

среди них представляют работы *Алессандро Портелли* (Италия), *Яна Вансины* (Бельгия), *Пола Томпсона* (Австрия), *Габриэля Розенталя* (Германия) и других.

Устные источники, созданные теми, кто занимает подчиненное положение в обществе, связаны с традицией народного рассказа, легенды, повествования. В рамках этой традиции различия между нарративными жанрами воспринимаются иначе, чем в письменной традиции образованной элиты. Это справедливо в отношении ключевого различия между «документальным» и «художественным» повествованиями, между «событиями» и эмоциями или воображением. В то время как понятие «правдивого» рассказа применимо как к легенде, так и к личному опыту и исторической памяти, не существует особых устных жанров, которые специально предназначались бы для передачи исторической информации: исторический, поэтический и легендарный нарративы часто оказываются в них неразрывно связанными. В результате возникает повествование от первого лица, где оказывается размытой граница между событиями внешнего мира и тем, что происходит в душе рассказчика; между тем, что затрагивает жизнь отдельного человека, и тем, что касается всей группы людей; личностная «правда» здесь может совпадать с коллективным «воображением»⁷.

Каждый из этих факторов может быть раскрыт через анализ формальных и стилистических признаков повествования. Больше или меньше присутствие формализованного материала (пословиц, песен, ритуальных формул, стереотипных выражений) может указывать на то, в какой мере в рассказе отдельного человека присутствует коллективная точка зрения. Переходы со стандартного литературного языка на диалект часто являются показателем того, насколько рассказчик контролирует свое повествование.

Очень часто встречается такая модель повествования, где, как правило, используется стандартный литературный язык, в то время как диалект «просачивается» в отступлениях, отдельных эпизодах. Это может указывать либо на то, что рассказчик сильнее ощущает свою причастность к описываемым событиям, либо на вмешательство коллективной памяти (как это бывает в тех слу-

⁷ Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 32–51, 66–109, 322–375.

чаях, когда появление диалекта совпадает с определенными языковыми формулами). В то же время стандартный литературный язык может появиться в рассказе, который ведется на диалекте, когда речь заходит о вещах, более тесно связанных с общественной жизнью, например, с политикой. Со своей стороны это может означать как более или менее сознательное стремление рассказчика отстраниться от описываемых событий, так и вторжение в рассказ более «образованной» манеры изъясняться, к которой человек прибегает, начав участвовать в политике. Наоборот, использование диалекта для обозначения технических терминов может быть как признаком живучести традиционной речи, так и показателем того, что рассказчик стремится расширить выразительные возможности своего повествования.

Первая особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий. Из этого, однако, еще не следует, что устные источники не имеют никакой ценности с точки зрения фактической достоверности. Интервью часто открывают нам неизвестные события или неизвестные стороны известных событий, они часто проливают новый свет на неисследованные сферы повседневной жизни угнетенных классов. С этой точки зрения, единственная проблема, которая здесь возникает перед исследователем, — это подтверждение достоверности устного источника.

Должны ли мы верить устным источникам?

Устные источники достоверны, но их достоверность имеет особую природу. Особый интерес устного источника для исследователя может заключаться не только и даже не столько в его соответствии реальным фактам, сколько в его отклонениях от них — в этих отклонениях проявляются человеческое воображение, желания, символы. Именно поэтому не существует «недостоверных» устных источников. Особенность устных источников заключается в том, что и те сообщения, которые будут признаны «недостоверными», требуют исторического объяснения. «Ошибки» рассказчика иной раз дают нам для понимания прошлого гораздо больше, нежели фактически достоверные рассказы.

По-настоящему уникальная и драгоценная для историка особенность устного источника, которой не обладает в такой степени ни один другой тип источника, — это субъективность рассказчика.

Таким образом, если провести комплексное и масштабное исследование, можно получить своеобразный «срез» субъективного восприятия отдельной социальной группы или класса. Устные источники говорят нам не только о том, что люди делали, но и о том, что они хотели сделать, что, как они тогда полагали, они делали и что они думают теперь о том, что они делали в прошлом.

Устные источники необъективны. Это положение, конечно, применимо к любому источнику, хотя ореол сакральности вокруг писаного слова часто приводит к тому, что мы забываем об этом положении. Но отсутствие объективности, неотъемлемо присущее устным источникам, коренится в их особых свойствах, — это источники, современные не освещаемому событию, а самому информатору.

Понятие «устная традиция», как и устная историология, описывает как процесс, так и его результаты. Результаты — это устные сообщения, основывающиеся на других, предшествующих им устных сообщениях, срок жизни которых насчитывает, по крайней мере, одно поколение людей. Процесс — это передача таких сообщений из уст в уста в течение какого-то времени, до тех пор, пока сообщение полностью не исчезает. Именно поэтому любая устная традиция есть не что иное, как пересказ такого сообщения в определенный момент времени, отдельное звено в процессе изменения устного сообщения, который начинается с первоначальной передачей этого сообщения. Характеристики каждого такого пересказа будут различаться в соответствии с его положением в общем процессе. Как отмечает Ю. Семенов: «Можно по-разному понимать и толковать историю, но вряд ли существуют сомнения в том, что она действительно существует. Исследованием ее давно уже занимается наука, которую называют тем же именем, что и изучаемый ею объект, а именно историей. Употребление одного и того же термина для обозначения как реального исторического процесса, так и науки, изучающей этот процесс, создает известные неудобства. Чтобы избежать их, я буду в дальнейшем изложении называть историей только сам исторический процесс. Для обозначения же специальной науки об истории я буду использовать термины «историческая наука» и «историология» (от греч. *логос* — слово, понятие, учение)»⁸.

⁸ Семенов Ю. Труд Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3–36.

В общем, тема использования народных преданий в качестве исторического источника очень важна для более глубокого и осмысленного понимания национальной истории. У каждого народа сохранилось множество фольклорных произведений, дошедших до нашего времени из самой глубины веков. Необходимо уметь выделять из них те события, которые происходили на самом деле и легли в основу преданий. Для этого исследователи анализируют и сопоставляют полученные сведения с комплексом других источников. Но даже если предание не исторично, из него можно получить ценные сведения о мировоззрении казахского народа, его чаяниях и бедах, его мечтах и надеждах, социальных и семейных отношениях, связи с другими народами, о взаимодействии культур.

* * *

Достаточно большой пласт исторических источников, вошедших в настоящее издание и составляющих собственно устную народную историологию казахов, до сих пор не являлся предметом специального изучения в исторической науке. Исследовательская работа по материалам, представленным в томе, осуществлялась по двум направлениям: 1) выявление и накопление записей казахских исторических преданий дореволюционного периода в рукописных фондах библиотек Алматы, Санкт-Петербурга; 2) их копирование, специальная обработка, компьютерный набор и подготовка к публикации. Второе направление потребовало достаточно много времени из-за того, что большинство преданий и легенд публиковались в редких изданиях. Это повлекло за собой комплекс проблем по выкопировке (ветхость изданий, качество полиграфии, сопутствующие организационно-правовые вопросы). В свою очередь, выкопировка материала осуществлялась как методом обычного ксерокопирования на бумажных носителях, так и методом цифровой фотографии, сканирования на электронных носителях. Сбор и обработка всей совокупности материалов, включенных в данную книгу, были бы невозможны без помощи специалистов различного профиля — собственно историков, библиографов, компьютерщиков и т. д.

Процесс выявления и анализа материалов был значительно ускорен благодаря ценным советам руководителя проекта «Истории Казахстана в русских источниках», к. и. н., доцента

И. В. Ерофеевой. Сбору и выкопировке материалов содействовали сотрудники библиотек г. Санкт-Петербурга. Библиотека Академии наук — *Н. В. Колпакова* (зам. директора по научной работе), *М. П. Подвигина*, *Е. В. Киряева*, *Н. М. Розова*, *Л. М. Герасимова*, *Н. Е. Крицкая.* Российская национальная библиотека — *В. Н. Зайцев* (генеральный директор), *А. И. Спложников* (заведующий сектором фондов).

Публикуемые в томе комментарии к текстам исторических преданий были подготовлены составителем данного издания. В случаях, когда необходимо было дать полное имя авторов преданий и уточнить их названия, версия составителя дана в квадратных скобках. Тексты фольклорных материалов, собранных *Ч. Ч. Валихановым*, снабжены комментариями, составленными в свое время казахстанскими историками *А. Х. Маргуланом*, *Л. М. Ауэзовой*, *Дж. Х. Кармышевой*, *В. Н. Настичем* и опубликованными в первом томе Собрания сочинений *Ч. Ч. Валиханова* в пяти томах (Алма-Ата, 1984). В содержание отдельных из них составителем тома внесены небольшие уточнения с учетом новейших достижений исторической науки.

Компьютерную обработку и набор текстов с фото- и ксерокопий помогали осуществить *Н. В. Зюзин*, *И. А. Шикова-Жировина*, *А. Т. Ракишева*, *Э. Бояубаева*, *Б. Калдыбеков* (г. Алматы).

Указатели имен и географических названий подготовила научный сотрудник Института истории и этнологии им. *Ч. Ч. Валиханова* *М. Сатенова*.

С. Ф. Мажитов,
кандидат исторических наук, доцент

Раздел 1

**ТОПОНИМИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ**

[В. А. Каллаур]

КИРГИЗСКАЯ ЛЕГЕНДА О ПОСТРОЙКЕ АКЫРТАША

Там, где теперь находится торткуль Тоймакент, в прежнее время жил калмык Кокчахан, очень известный воин. У него была дочь по имени Тоймасулу. У Кокчахана же в это время служил работник, Алангасар-Алып, который был большой силач. Как работник он был для Кокчахана полезным человеком. После нескольких лет службы у Кокчахана Алангасар-Алып влюбился в дочь хана, Тоймасулу, и обратился к ее отцу с просьбой, чтобы тот выдал за него дочь. Кокчахан обещал работнику выдать замуж за него Тоймасулу, но это обещание было неискренно. Алангасар-Алып, надеясь, что женится на Тоймасулу, с полным рвением продолжал служить Кокчахану; но, прослужив несколько лет, убедился, что Кокчахан обманывает его и никогда не выдаст за него свою дочь Тоймасулу.

При таком убеждении Алангасар-Алып взял с собою сына своего, Арсланг-Алып, и ушел от Кокчахана. Дойдя до местности Тасакыра, он выбрал место для возведения каменной постройки и сказал сыну Арсланг-Алып: «Здесь мы будем строить жилище из камня. Ты будешь перекидывать мне камни с гор. Не доходя до Сулуторя есть местность, называемая Кызылкайнар; с ее верховьев ты будешь кидать мне камни, а я из них здесь сложу каменный курган. Но только ты никуда не оглядывайся, особенно не смотри к реке Таласу. После этого мы запрудим воду Таласа и, переведя ее через Джургабиль, оставим Кокчахана без воды. Тогда обманщик волей-неволей покорится нам и выдаст свою дочь за меня». Так отец с сыном решили дело.

Предупредив так своего сына Арсланг-Алып, Алангасар снова сказал: «Отправляйся на место работы в горы. Не доходя Сулуторя есть местность Кызылкайнар, откуда ты будешь бросать камни вниз; но не оглядывайся по сторонам, тем более к Таласу».